

— Сун Цинлань, ты просто отвратительна!

Её ладонь горела, а в груди kloкотал гнев. Она не раздумывая наотмашь ударила, словно в этом пощечине выплеснулось всё её недовольство. Мэн Хуайюэ была в ярости, потрясена, раздражена. Её рука, только что опустившаяся после удара, мелко дрожала — она вложила в этот жест всю свою силу, ничего не утаив.

Какая нелепость, какой абсурд! Её супруг оказался женщиной.

— А-Юэ, прости меня. Я действительно женщина, но я не хотела тебя обманывать. Я просто... я просто... — Сун Цинлань застыла, не смея пошевелиться.

Она просто боялась. Боялась открыться ей.

Время словно остановилось. Мэн Хуайюэ, ещё не остывшая от гнева, выпалила не подумав:

— Убирайся! Чтобы глаза мои тебя больше не видели! До чего же ты противна.

Сун Цинлань замерла, из её глаз хлынули слезы. Сдерживаемые эмоции прорвались наружу, и она, всхлипывая, прошептала:

— А-Юэ, прости, что я родилась не мужчиной и не смогла стать той, кто принесет тебе счастье.

...

Мэн Хуайюэ резко открыла глаза. По её щекам текли слезы, она судорожно хватала ртом воздух, прижимая ладонь к груди.

— Принцесса, вам снова приснился кошмар? — испуганно подбежала служанка.

Мэн Хуайюэ, всё ещё не в силах отойти от пережитого во сне, ничего не ответила. Служанка, поняв всё без слов, тихо вышла из покоев, оставив лишь одну догорающую свечу.

В полумрак комнаты Мэн Хуайюэ с силой нажала пальцами на сердце, надеясь хоть немного унять невыносимую боль. С момента своего перерождения она каждую ночь видела во сне А-Лань — ту, кому причинила столько страданий в прошлой жизни.

— А-Лань... я раскаиваюсь.

Она чувствовала, что заслужила нынешние муки. Как она могла быть такой жестокой, как могла выговорить те ужасные слова, что разбили её сердце? С того самого дня, как тайна Сун

Цинлань раскрылась, их отношения стремительно покатились под откос. Она перестала смотреть на супруга ласково, каждый день осыпая её насмешками.

Но Сун Цинлань оставалась прежней: заботливой, внимательной, принимавшей любые колкости в молчании.

Мэн Хуайюэ и сама не знала, когда всё изменилось. Сначала было чувство обмана, гнев и ненависть, затем — неловкость, противоречивые чувства, а позже — робкое внимание к каждому поступку Сун Цинлань. Но она считала это извращением своего сердца. Сун Цинлань — женщина. Как они могут быть вместе? Она не должна, она не имеет права!

Выросшая в глубине дворца, запертая в этих четырех стенах, она никогда не покидала пределов города. Несмотря на безграничную любовь, она была скована строгими правилами. Воспитание не позволяло ей принять нечто столь запретное и порочное. Поэтому каждый день она одергивала себя, напоминая, что их чувства — ошибка. А затем снова обрушивала на Сун Цинлань ядовитые слова, ставя её в неловкое положение. И так — по кругу, изо дня в день.

А ведь у них были и счастливые времена. Их брак был лишь досадной случайностью, но после свадьбы они держались друг с другом с глубоким уважением, не переходя черту. Сун Цинлань была к ней невероятно добра, во всём потакала, придумывала способы, чтобы её развеселить. Она готовила для неё лакомства, хотя это было ей совсем не близко, и каждый раз заканчивала с перепачканным лицом. Она собирала для неё интересные народные сказания и читала их вслух, ставя интересы жены превыше всего.

Такая жизнь была куда ярче дворцовой, и сердце Мэн Хуайюэ постепенно привыкло ждать новых сюрпризов от Сун Цинлань. Со временем она поняла, что та стала ей по-настоящему дорога. Когда её не было рядом, на душе становилось пусто, а при встрече она расцветала. Мэн Хуайюэ верила, что так будет всегда, поэтому весть о том, что Сун Цинлань — женщина, вызвала такую ярость. Этот обман разрушил будущее, которое она рисовала в своих мыслях. Она чувствовала себя самой обманутой в мире: Сун Цинлань так легко заставила её мечтать о совместной жизни, которая оказалась ложью.

— А-Юэ, на границе беда. Завтра я ухожу в поход. Ты просила о разводе... Если после моего возвращения ты всё ещё захочешь уйти, я дам тебе согласие. Не волнуйся, я сдержу свое слово. Я слишком долго удерживала тебя, это было несправедливо.

Это было на второй год их брака.

В тот раз она нарушила обещание. Мэн Хуайюэ не дождалась её возвращения — лишь получила срочное донесение из столицы. Сун Цинлань, пытаясь обеспечить безопасный отход жителей города, с тремя тысячами воинов отчаянно сдерживала тридцатитысячную армию врага и погибла на поле боя, пронзенная стрелами.

Истекающая кровью Сун Цинлань услышала от подчиненного, что все жители спасены, и лишь тогда, обессиленная, выдохнула. Она улыбнулась, падая:

— А-Юэ, прости, я нарушила слово.

Её А-Лань всегда была такой доброй. Как она, Мэн Хуайюэ, могла в прошлой жизни раз за разом вонзать нож в сердце этого прекрасного человека? Наверняка оно было изранено, но А-Лань всё равно просила её не сердиться, чтобы не навредить собственному здоровью.

При этих мыслях у Мэн Хуайюэ снова покатились слезы. Любовь переполняла её, не давая дышать. Успокоившись, она вытерла лицо и улыбнулась. В её взгляде, остром, как клинок, проступила решимость.

— В этой жизни ничто нас не разлучит.

Она перевернулась на другой бок, обдумывая завтрашний день. Восемнадцатое число второго месяца. В прошлой жизни в этот день во дворце устроили пышный пир в честь триумфального возвращения великого генерала Сун. Именно тогда они впервые встретились.

Прошел месяц с момента её перерождения, и вот этот день настал. Она хотела увидеть свою А-Лань, жаждала этого всей душой, чувствуя одновременно страх и предвкушение.

— А-Лань, в этой жизни я знаю, что ты женщина. Я люблю тебя. Я больше не дам тебе страдать, я сама сделаю шаг навстречу.

Если в этой жизни не ты, то зачем тогда всё остальное?

Мэн Хуайюэ, свернувшись калачиком, сжала губы. Вскоре дыхание её выровнялось, а на губах заиграла легкая улыбка — ей снился прекрасный сон.

На следующий день великий генерал Сун Мянью вернулся с победой. Едва войдя в город, он оказался в окружении ликующей толпы. Грохотали барабаны, звенели гонги. Сун Мянью, облаченный в доспехи, восседал на могучем вороном коне, его взгляд был острым и пронизательным. Вслед за ним стройными рядами двигалась Армия семьи Сун, их твердая поступь внушала трепет.

— Это и есть та самая Армия семьи Сун, что защищает наше Государство Шу? Какие они могучие!

— Говорят, великий генерал Сун охраняет границы уже двадцать лет. После долгих кровопролитных сражений он наконец разбил врага, вернул земли и ведет войска домой.

— Послушай, а кто эти двое рядом с генералом? До чего же хороши собой!

— Ты что, не знаешь? Это жена и сын генерала, — ответил кто-то из толпы.

— Говорят, госпожа Сун ничем не уступает мужчинам. В одной из вылазок она сама заманила вражеского военачальника в ловушку, взяла его в плен без единой потери, сожгла провиант врага и заставила тысячи солдат сдаться.

Рассказчик говорил так, будто речь шла о его собственной семье, и это выглядело донельзя комично.

— А тот, что справа — легендарный молодой генерал Сун!

— О, этого юного генерала недооценивать нельзя, — зашептались в толпе. — Говорят, она решительна и безжалостна, а её холодный взгляд подобен демону. На поле боя она не знает пощады.

Юноша на коне, с волосами, собранными в пучок под нефритовой заколкой, в серебряных доспехах, держался прямо и гордо. Несмотря на то, что он вырос в лагере, кожа его оставалась светлой, а черты лица — тонкими и благородными. Глубокий, холодный взгляд и отстраненность придавали ему особую, аристократическую холодность.

Сун Цинлань молча слушала доносящиеся отовсюду обсуждения. Она вернулась в столицу второй раз за двадцать лет. Но её холодный нрав не позволял ей проявлять интерес к подобным сценам — она никогда не любила шум.

В этой столице её интересовал лишь один человек.

<http://bllate.org/book/21492/2200592>